

АНТИМУЖЧИНА

Роман*

Часть вторая

1

До поры до времени она не выходила из скромной роли секретаря-референта: вычитывала на предмет юридической выверенности партийные и депутатские документы, которые готовил Воронцов, и тезисы его выступлений на радио и телевидении (будучи человеком эрудированным, умея говорить на любую тему, он, тем не менее, к каждому выступлению тщательно готовился). Кроме того, он заставлял Катю выправлять газетные статьи, которые время от времени пописывал, чтобы регулярно напоминать читателям о себе и своей партии. По их с Катей договоренности, в ее обязанности входило также носить эти статейки в газетные редакции, следить за их публикацией и забирать потом авторские экземпляры газет.

Но, как это часто бывает в отношениях между всевозможными начальниками и их секретарями, хорошо понимающими своего сюзерена, руководители стараются переложить на них все больше и больше собственных обязанностей. Воронцов в этом отношении не был уникалом: пользуясь, видимо, тем, что Катя еще оставалась равнодушной к его особе, он начал перепоручать писание газетных статей самой Кате, обращаясь к ней весьма любезно:

— Знаете что, милая Екатерина Васильевна? А напишите-ка, пожалуйста, сама очередную «ксиву» в нашу главную областную газету — помните, как мы в прошлый раз писали? — о нашем с вами отношении к нецелевому расходованию средств областной администрацией (или — «о вопиющих безобразиях в нашем здравоохранении», или — «о махинациях городского строительного департамента с земельными участками», или о школьных делах, пенсиях, разворовывании муниципальных средств и проч. — таких тем наша местная действительность подбрасывала достаточно), а то у меня, Катенька, совершенно нет времени, а материальчик созрел...

Затем он наговаривал примерное содержание этих статей Кате на диктофон и оставлял ее наедине с текстом.

«Материальчик», который он наговаривал Кате, и в самом деле был вполне «созревшим» — щедро назывались факты, цифры, фамилии... Но, как у всякого человека, бегло владеющего ораторским словом, устно выраженные, не сдерживаемые уздой письменного текста, мысли Воронцова летели быстро, так что слова и фразы не всегда успевали за мыслью, терялись или легко перескакивали с одного на другое; местами Воронцов, за неимением времени, забывал докончить мысль или проговаривал конспективно, оговариваясь в заключение:

— Вот так, примерно. Далее, милая Катюша, — второпях, да еще наедине с ней, он позволял себе некоторую фамильярность, — вы, я думаю, сообразите, как оформить эту мысль для удобочитаемости?..

И Катя старательно переводила наговоренный текст на бумагу. Но поскольку серьезных навыков в работе с текстами она так и не выработала — естественно, газетной статьи из ее усилий не получалось, был по-прежнему воронцовский конспект. Однако смесь упрямства, самолюбия и страха опозориться не позволяла Кате расписаться в бессилии, тогда она со слезой в голосе звонила мне:

— Таечка, знаю, что занята, но помоги, ради всего святого, домучить статью — погибаю! Потрать на меня еще вечерок... Ну не к кому больше обратиться, — ныла она, — ты одна у меня умеешь писать в газету!.. Я в долгу не останусь!..

И куда мне было деться от нее, моего пожизненного наказания?

Она являлась, притащив диктофон с воронцовскими «ценными указаниями» и свои беспомощные заметы, усаживалась у меня на кухне на свое законное место, и мы целый вечер гоняли чай, слушали запись воронцовского голоса, читали ее заготовки, болтали между делом обо всем понемногу, а потом писали, переписывали, и еще раз переписывали все более приобретающий стройность текст. За этим делом я понемногу приобщала Катю к тайнам журналистской профессии: умению сжимать и нагружать фразу, чувствовать на зуб и на вкус ее эстетику... Короче, опять я учила ее уму-разуму.

В результате нашего бдения получался более-менее добротный материал, удовлетворявший нас обоих и должный, кажется, удовлетворить и газетчиков, и самого Воронцова.

Но — странное дело — почему я, хоть и ворчала на Катину назойливость, все-таки соглашалась ей помогать? Да потому, наверное, что с таким материалом было интересно работать: во-первых, я входила в

курс местных событий и приобщалась к сонму посвященных, а во-вторых, регулярно слушая диктофон с воронцовским голосом, я будто общалась с ним самим, и общение это некоторым образом мне нравилось...

Однажды — помнится, мы с ней уже трижды поработали над воронцовским материалом — звонит она мне и говорит:

— Таечка, Вячеслав Аркадьевич хочет тебя видеть!

У меня от неожиданности перехватило дыхание. А когда справилась с дыханием, то строго спросила ее: с каких это пор мы с ним знакомы?

— Д-да понимаешь... — начала она мяться. — Припер меня к стенке: «Статьи, — говорит, — у вас стали получаться выше ваших возможностей. Признайтесь: кто писал?» — и что мне оставалось? Конечно же, рассказала о тебе...

— Чего он хочет? Чтобы я сама ему писала? Так я говорить об этом не желаю ни с тобой, ни с ним!

— Таечка, милая! — взмолилась Катя. — Он очень хочет с тобой познакомиться, у него какие-то идеи, и я пообещала тебя привести.

— Когда? — спросила я.

— Я договорюсь. Воронцов — очень занятый человек...

— Я — тоже занятый человек!

— Таечка, милая, постараюсь твоей занятостью не злоупотреблять!..

* * *

Итак, моя встреча с Воронцовым состоялась. В их офисе.

Но сначала о самом офисе. Я и не предполагала, что он у них такой представительный. Уже в приемной, где хозяйничала Катя, — просторно и приятно глазу: светлый пол, светлые стены и потолок с вделанными в него лампами, легкая цветная штора на окне, гравюра на стене, удобные креслица для посетителей. Полюбовалась я и на Катю в деловой обстановке. Окруженная компьютерной и прочей аппаратурой, она так мило вписывалась в этот технизированный интерьер, и — такая импозантная: стерильно белая блузка с брошью, строгий серый костюм (боже, как давно она мечтала о таком вот строгом костюме!), на пальцах — безукоризненный маникюр, и сама она, ослепительно красивая, не просто сидит здесь — царит...

— Ну, свободен твой иерарх? — спрашиваю, кивая на дверь с табличкой.

— Ой, Таечка, подожди минутку, у него разговор с Москвой, просил никого не впускать! — Катя с беспокойством глянула на часы: я пришла за три минуты до назначенного времени.

Хмыкая, саюсь в креслице, такое удобное, что, кажется, никогда в таком не сидела.

— Как уютно у вас тут — прямо свадебная контора! С чего такой шик?

— Так ведь Иваницкий! — громко шепчет она, выразительно пуча глаза и прикладывая к губам палец.

— А у него-то откуда столько? — тоже перехожу на дурацкий шепот.

— Я ж тебе говорила: компания сотовой связи! Качает теперь!..

— Как у тебя отношения с начальством? — киваю я на дверь в кабинет.

— Прекрасные деловые отношения, — уклончиво отвечает она.

— Ну, а юрисконсультство твое как поживает?

— О, там дел невпроворот! Завтра вот — готовить бумаги в арбитраж...

Ну что ж, значит, с той работой тоже все в порядке. Здесь она — из любви, так сказать, к процессу...

И тут раздался щелчок, а следом — мягкий, слегка шуршащий через громкоговорящую связь баритон Воронцова:

— Я свободен, Екатерина Васильевна. Таисья Валериевна пришла?

— Да, ждет.

— Сейчас сам выйду, извинюсь перед ней!..

И только я успела встать и сделать шаг, как стремительно распахнулась дверь, и передо мной возник сам Воронцов, тут же порывисто схватив мою руку обеими своими и прося прощения, что заставил ждать.

Умом я понимала, что это всего лишь привычные для него знаки вежливости, и все же, не скрою, такая горячность и такая галантность были приятны и находили в моей душе отклик.

Я увидела его лицо в полуметре от себя и была немного разочарована — оно выглядело отнюдь не таким свежим, как на телеэкране и на предвыборных плакатах: нездоровый, сероватый какой-то оттенок кожи, набрякшие мешки под глазами, пустая висящая складка под подбородком; ну, а в остальном он — тот самый Воронцов, чей образ уже примелькался: серый отличный костюм, белоснежная сорочка, красивый галстук, хорошо поставленный, обволакивающий голос, усталый пронизательный взгляд под темными бровями, полуседы, но густые еще волосы, зачесанные назад и гривой падающие на одну сторону...

Он ввел меня в хорошо отделанный кабинет и усадил за большой стол в точно такое же креслице, что стояли в приемной, галантно отодвинув его и тотчас подвинув под меня, когда я собралась в него опуститься.

Ничего, кажется, не оставалось, как поблагодарить его за это с той же степенью галантности, но такое обилие галантности было бы уже перебором. Чутье подсказывало, что он изо всех сил очаровывает меня, и

неспроста, что-то ему от меня нужно. Но я — не Катя, это ее можно провести такими штучками, — поэтому приняла его галантность к сведению, сухо поблагодарила и постаралась настроиться на деловой тон:

— Итак, я вас слушаю.

Он, сев напротив и продолжая улыбаться, стал меня разглядывать.

— Что вы на меня так смотрите? — забеспокоилась я.

— Изучаю, — спокойно ответил он (наверное, это тоже был психологический прием). И, помолчав, продолжил: — Да, вы именно такая, какой я вас себе представлял. Мне о вас рассказывала Екатерина Васильевна.

— Я не уполномочивала ее распространяться обо мне.

— Я сам вами заинтересовался. А она отзывалась о вас в самой превосходной степени.

— Но чего ради столько разговоров обо мне?

— Вы требуете непереносимых точек над «і»? Пожалуйста, я буду откровенен. Когда я впервые попросил Екатерину Васильевну написать за меня статейку — у меня, кроме того, что я был занят, имелась определенная цель: проверить, насколько она способна делать такую работу самостоятельно. Ну и, может быть, натаскать... А она приносит мне добротню сделанную работу — гораздо лучше, чем сделал бы я сам: к сожалению, у меня тоже не блестящие литературные таланты, и когда меня начинают править газетчики, то окончательно все портят. Я даю ей для проверки еще и еще задание — и опять тот же результат! Тогда я понял: у нее есть какая-то крепкая база — и этой базой оказывается вы!.. Что ж, выбор достойный: чувствую, вы оказываете ей неоценимую помощь, а на нее самое — влияние. Я ей позавидовал!

«О, какой мастер стелить пуховые перины!» — подумала я, даже восхитившись виртуозностью его похвал.

— Ну что вы, Вячеслав Аркадьевич! — постаралась подыграть ему и в то же время выразить вслух свою усмешку. — Мне кажется, в том, что Екатерина Васильевна становится настоящей деловой женщиной, — именно ваше благотворное влияние. Где мне до вас!

Воронцов, продолжая благодушно улыбаться, испытующе глянул на меня, и наши взгляды встретились; так, наверное, смотрят друг на друга спортсмены в поединке — изучая возможности и настрой противника. Его благодушная улыбка сошла на нет, и заговорил он уже без непереносимой мужской скидки на инфантилизм собеседницы:

— Простите за дерзость, но я, естественно, подумал: почему бы мне самому на вас не выйти? Знаете, так мало людей, по-настоящему владеющих культурой, что каждая такая встреча доставляет удовольствие.

— Поверьте, мне тоже доставляет удовольствие встретиться со столь известным человеком, как вы. Я слушала вас на митингах, видела по телевизору, мне импонируют ваши взгляды. Но если вы надеетесь, что я стану писать вам статьи в газеты, то я разочарую вас, — сказала я, чтобы не ходить вокруг да около. — Я человек занятый и писать вам не смогу. Просто у нас с Катей свои отношения. Да и не собиралась я помогать ей вечно, она сама быстро всему учится. Научится и писать.

— Нет, конечно же, не статьи писать я вас пригласил, — продолжал он, уже без жеманства, а даже с некоторой обидой. — Но если вы ставите вопрос прямо, прямо и ответу: у нас есть серьезный план — основать свою газету, и я хотел бы предложить вам место в ней.

— Странно, — пожала я плечами. — Но, во-первых, я не журналистка...

— Можно ответить сразу, причем откровенно?

— По-моему, только такой разговор и представляет интерес.

— Видите ли, профессиональные журналисты — это наемники, ландскнехты — не хочу употреблять более грубого слова — и, стало быть, готовы сражаться на любой стороне и за любые идеи, не имея ни своих идей, ни убеждений. В вашем же лице мне бы хотелось видеть работника образованного и культурного, с мозгами, не засоренными журналистскими клише. Да, главный редактор, разумеется, должен быть профессионалом — от коммерческой стороны дела никуда не уйти. Но не хотелось бы рожать новую стандартную, или того хуже, бульварную газету — вам не надоели эти назойливо-желтые издания?

— Я их не читаю.

— А вам бы не хотелось делать газету по своему вкусу?

— Простите, Вячеслав Аркадьевич, — перебила я его, — но я сказала только «во-первых». А во-вторых, я — занятый человек. Спасибо за доверие, но принять предложение я не могу.

— Знаю, что вы заняты, — горячо возразил он мне. — Но поверьте моим седым волосам: не стоит погребать себя навечно в вашем тесном и — чего греха таить? — затхловатом университетском мире! Да никто его у вас не отнимает — совмещайте на здоровье, но глотните свежей жизни! Докторская может подождать. Да их нынче просто покупают! Лучше заработайте денег и купите — дешевле обойдется. И, потом, знаю, какие там у вас теперь нищенские зарплаты. Так что предлагаю выход во всех отношениях, пусть не навечно — на время, пока всё не утрясется. Соглашайтесь!

Я отрицательно помотала головой, но, видно, не очень убедительно, потому что Воронцов, почувствовав мою неуверенность, начал новый виток уговоров. Это был монолог страстный и длинный, но я выслушала его с интересом — настолько он был полон риторических фигур и тропов. И мыслей, черт возьми,